

SERGEY AKHUNOV
SKETCHES XIII — XVI

Varvara Myagkova

FANCYMUSIC

Sergey Akhunov
Sketches XIII –XVI

Varvara Myagkova piano

Blüthner 1908

1. Sketch XIII (Blüthner 1908)	04:03
2. Sketch XIV (Blüthner 1908)	04:29
3. Sketch XV (Blüthner 1908)	05:08
4. Sketch XVI (Blüthner 1908)	03:29

Diederichs Frères 1895

5. Sketch XIII (Diederichs Frères 1895)	03:52
6. Sketch XIV (Diederichs Frères 1895)	04:17
7. Sketch XV (Diederichs Frères 1895)	05:11
8. Sketch XVI (Diederichs Frères 1895)	03:29

Carl Goetze 1895

9. Sketch XIII (Carl Goetze 1895)	04:01
10. Sketch XIV (Carl Goetze 1895)	04:27
11. Sketch XV (Carl Goetze 1895)	05:19
12. Sketch XVI (Carl Goetze 1895)	03:38

Total time:	51:23
-------------	-------

—

Composed by: Sergey Akhunov
Dedicated to: Varvara Myagkova

Recorded by: Alexander Volkov, The Piano Museum of Alexey Stavitsky, Rybinsk, March 31, 2021
Edited, mixed and mastered by: Alexander Volkov

Texts translated by: Anna Nikolaeva
Booklet photos by: Alexander Panov
Cover by: Alexander Panov

On the project

This project aspires to bring together three types of art: the art of composition, the art of restoration and performing art. The Piano Museum provided us with numerous opportunities for this offering a wide selection of instruments. Our choice fell on the following three: Blüthner 1908, Carl Goetze 1895 and Diederichs Frères (end of 19th c.).

On sound recording and music as a live process

Sound recording brought about a new approach to music. It offers the listener a certain unchangeable, fixed standard. The reality of music, however, is different. Any performance is a live process which depends on a myriad of nuances that must come together at a certain point in time, such as the acoustics of a concert hall, the mood of the audience and, lastly, the performer's frame of mind. This is the reason why every subsequent performance differs from the previous one in many fine details and a discerning listener is perfectly capable of sensing it.

By recording the same sketches on different pianos we aimed at capturing the musical process itself rather than a piece of music as such, in which every instrument expresses itself and somehow suggests its own interpretation of the music, so that one and the same musical piece could be perceived as different each time it is being played.

Sergey Akhunov

О проекте

В этом проекте мы хотели соединить в единое целое три вида искусства – искусство композиции, искусство реставрации и исполнительское искусство. Музей фортепиано открывал широкие возможности для этого, поскольку предлагал широчайший выбор инструментов. Наш выбор пал на три из них – Blüthner 1908 года, Carl Goetze 1895 года и Diederichs Frères конца 19-го века.

О звукозаписи и музыке как живом процессе

Звукозапись определила новое отношение к музыке. Она предлагает слушателю некий эталон, существующий в неизменном, фиксированном виде. Однако в музыкальной реальности все не так. Любое исполнение – это живой процесс, зависящий от множества нюансов, которые должны совпасть в определенной временной точке. Это и акустика конкретного зала, и настрой слушателей, и, в конце концов, настроение самого музыканта. И потому всякое последующее исполнение отличается от предыдущего тончайшими деталями, и взыскательный слушатель способен это уловить.

Записывая одни и те же эскизы на разных роялях, мы пытались «фиксировать» не произведение как таковое, но сам музыкальный процесс, где каждый инструмент проявляет свою волю и каким-то образом предлагает свою трактовку музыки, так что один и тот же эскиз может всякий раз восприниматься как совершенно иная музыка.

Сергей Ахунов

On restoration

The practice of restoration belongs to the 20th century. In the 19th century restoration was virtually non-existent because the world was changing at such a rapid pace that all things obsolete were being left far behind without any need to bring them back to life. The design of the instruments changed with every new decade, these changes being a reflection of various aspects of differing ways the sound and the music were viewed. And this is the very thing modern restoration intends to demonstrate.

Alexey Stavitsky

On the instruments

It is my belief that period instruments possess their own unique personality. Every musical instrument certainly has one, but with those with long history it is definitely more pronounced, they possess something special modern instruments just can't quite capture. It has been repeatedly noted by different performers that the sound of the piano can "adapt" to the performer's mindset and keeps that same voice for a while even after a different musician has started to play. And this is amazing!

Varvara Myagkova

О реставрации

Реставрация – это практика 20-века. В 19-м веке реставрации практически не существовало, потому что мир так стремительно менялся, что все отжившее оставалось далеко позади и восстанавливать его не было никакой нужды. Каждое десятилетие менялись конструкции инструментов, и эти перемены отображали определенные грани разных взглядов на звук и на музыку. Именно это и пытается сейчас дать почувствовать современная реставрация.

Алексей Ставицкий

Об инструментах

Мне кажется, у старинных инструментов есть своя индивидуальность. Конечно, у любого музыкального инструмента есть свой характер, но у таких, с большой историей, он глубже, в нем есть то, что невозможно уловить на современном инструменте. Разные музыканты неоднократно замечали, что звук рояля может как бы "подстраиваться" под характер человека, который на нем играет. А когда за этот же инструмент садится другой человек, звук как будто сохраняет какое-то время тот же голос, который звучал в руках предыдущего пианиста. Это удивительно!

Варвара Мягкова

On musical text and its interpretation

A good musical text contains from the outset every single mood, emotion, character and meaning implied by the composer, which the performer “reads” and offers to the attention of the audience. This, in my view, is the essence of the art of interpretation. The deeper the meanings the richer and more varied the performer’s approach to the music – and vice-versa, the poorer the text the lesser the scope for interpretation. In the end, the only musical piece able to outlive its creator is that which can be interpreted infinitely without any changes to its meanings.

Sergey Akhunov

On performing art

It’s the composer I’m searching for in music. If you’re still at a stage where you can’t avoid bringing yourself into the music, well, that makes you feel uneasy. I hope one day I will cease to exist and the composer and the music are the only things left.

Varvara Myagkova

О музыкальном тексте и его интерпретации

Хороший музыкальный текст изначально содержит в себе все настроения, эмоции, характеры и смыслы, вложенные в него композитором, которые исполнитель считывает и предлагает вниманию слушателя. В этом, на мой взгляд, заключается искусство интерпретации. Чем глубже смыслы, тем интереснее и разнообразнее подход исполнителя к музыке, – и наоборот, чем беднее текст, тем меньше возможностей для его интерпретации. В конечном итоге, только та музыка, которую можно бесконечно интерпретировать, не меняя ее смыслов, имеет все шансы пережить своего автора.

Сергей Ахунов

Об исполнительском искусстве

В музыке я ищу самого композитора. Если привносишь что-то свое и если это пока неизбежно, то становится обидно. Надеюсь, что когда-нибудь я исчезну и останется только композитор и музыка.

Варвара Мягкова

On understanding music

In music, the notions of “feeling” and “understanding” are identical. By “feeling” I imply the listener’s response to a piece of music. Once an individual responded to the music they understood it since there is no language capable of explaining what you have just heard other than the language of the music itself.

And that’s when an amazing thing happens. Someone whose outlook on life is completely different from your own, someone who is ready to oppose you and argue with you at the slightest opportunity feels the same as you all of a sudden, which means that deep inside they are in agreement with you. And this is what the incredible power of music is all about: it escapes any preplanned arguments and preconceived ideas speaking its very own language unlike any other. It’s like you’ve felt and understood everything yet you can’t put it into words.

Sergey Akhunov

On music and historical experience

One can’t perform my music using the same approach they do towards the music of the 19th century or even the 20th century. I’m devoid of the emotions people of the past fed off. We possess a different historical experience so the only way it could be performed is from the perspective of a modern individual aware of Hiroshima, Auschwitz, Gulag.

Sergey Akhunov

О понимании музыки

В музыкальном искусстве понятия «чувствовать» и «понимать» тождественны. Под чувством я понимаю некий отклик слушателя на музыкальное произведение. Если человек откликнулся на музыку, то это означает, что он ее понял, поскольку не существует иного языка, способного объяснить услышанное, кроме языка самой музыки.

И здесь происходит удивительная вещь. Человек, у которого есть свои представления о жизни, представления, которые полностью расходятся с твоими, который готов возражать тебе и спорить по всякому поводу, вдруг, оказывается, чувствует в музыке то же, что и ты, а значит, где-то глубоко согласен с тобой. В этом и заключается невероятная сила музыки, которая минует заготовленные аргументы, устоявшиеся понятия, говорит своим, ни на что не похожим языком. Вроде бы и почувствовал и понял, а пересказать не в состоянии.

Сергей Ахунов

О музыке и опыте истории

Мою музыку нельзя играть с тем же отношением, с каким играют музыку 19-го или даже 20 веков. В ней нет тех эмоций, которые питали человека прошлого. У нас другой исторический опыт, и поэтому исполнить ее можно только так, как это мог бы сделать человек нашего времени, знающий, что была Хиросима, был Освенцим, ГУЛАГ.

Сергей Ахунов

Blüthner 1908

The piano belonged to a well-known Russian tenor Dmitry Alexeyevich Smirnov. After his emigration in 1919 it was in possession of his wife Taissia Vasilyevna Smirnova, the marriage being most likely over by that time.

Several years later the piano was owned by the family of Tatiana Igorevna Balakhovskaya, presently Director of the Pyotr Kapitsa Museum in Moscow, who donated the instrument to the Piano Museum in 2018.

Рояль принадлежал известному русскому тенору Дмитрию Алексеевичу Смирнову. После его иммиграции в 1919 году инструмент унаследовала его жена Смирнова Таисия Васильевна, брак с которой, судя по всему, к тому времени распался.

Спустя несколько лет рояль попадает в семью Татьяны Игоревны Балаховской, ныне директора музея П. Л. Капицы в Москве, которая и передала его в дар музею фортепиано в 2019 году.

Diederichs Frères 1895

The piano belonged to the prominent Soviet music historian and pianist Natan Lvovich Fishman. In 2017 it was donated to the museum by his daughter Yulia Natanovna Klumova.

Рояль принадлежал известному советскому музыковеду и пианисту Натану Львовичу Фишману. В 2017 году был передан его дочерью Юлией Натановной Клумовой в дар музею.

Carl Goetze 1895

The piano was commissioned in 1890 by a Moscow merchant for his daughter. After the revolution it ended up in a communal flat where it remained up until the 2000-s when it was given to the Chistyakov family of pianists who, in turn, donated it to the museum.

Рояль был заказан в 1890 году неким московским купцом для своей дочери. После революции оказался в коммунальной квартире и простоял в ней вплоть до 2000-х годов, пока не был подарен семье пианистов Чистяковых. Те, в свою очередь, в 2018 году передали его в дар музею.

Executive Producer: Sergey Krasin

FANCY174

© 2020 FANCYMUSIC

© 2020 FANCYMUSIC

fancymusic.ru